

— Паренёк Чэн! Вэй Чэн! Ну и заставил же ты дядю попотеть, пока мы тебя искали!

Цинь Даюн и Цинь Эрюн, ведя под руки Цинь-ши, подошли к Вэй Чэну. Старший из братьев с деланным сочувствием оглядел убогую хижину: — Как же ты докатился до жизни в такой развалюхе? Семья Вэй совсем совесть потеряла! Видать, решили, что за наш род Цинь некому заступиться. Пошли, дядя отведет тебя и твою матушку к ним, пускай ответ держат!

Мужчина уже протянул руку, намереваясь схватить Вэй Чэна за плечо, но не успел он коснуться ткани, как из пустоты метнулась черная тень и с силой оттолкнула его. Это существо, не то пес, не то волк... Да кто в здравом уме станет держать волка? Должно быть, просто волкодав, статью походивший на лесного зверя. Существо выгнуло спину, прижало черные уши и, меряя землю шагами, зашлось утробным, угрожающим рыком.

Цинь Даюн не на шутку струхнул. Если бы он не отпрянул вовремя, клыки зверя впились бы ему в запястье. Глядя на разорванный рукав, он с трудом подавил ярость, но, опасаясь за свою шкуру, предпочёл держаться подальше.

— Чэн-эр, заводите собак — дело хорошее, — наставительно проворчал он, — но скотину, которая на своих бросается, держать нельзя. Я её самолично палкой забью, а завтра принесу тебе щеночка доброго, который хозяина знать будет!

Вэй Чэн ласково коснулся головы Синъэра. Волчонок чуть расслабился, перестал припадать к земле, как перед броском, и замер у ног хозяина, не сводя хищного взгляда с незваных гостей. Казалось, стоит Вэй Чэну лишь подать знак, и зверь мгновенно перегрызет им глотки.

— Зачем вы здесь? — холодно усмехнулся юноша. — Только не плетите басен про справедливость. Вы с Вэйями — одного поля ягоды.

— Гляньте на него! Два дня за книжками посидел и уже учеными словами бросается! — вскипел Цинь Даюн.

Хоть он и не до конца понял сравнение, но то, что их поставили на одну доску с ненавистными Вэйями, прозвучало как прямое оскорбление. — Перед тобой родная мать и родные дядья! Ты смеешь нас поносить? Зря ты в школу подался, коли старших чтить не научился. Не боишься, что мы придем к твоему учителю и устроим там такой шум, что тебя в шею погонят?

— Коли есть охота — идите, — безразлично бросил Вэй Чэн. — Когда отец умер, Цинь-ши распродала наши земли, забрала все накопления и укатила в ваш дом. Разве в те три года род Цинь хоть раз обо мне позаботился? Каждую плошку риса я зарабатывал сам, надрываясь на тяжелой работе. Вы можете это отрицать, но соседи в деревне Цзянхэ всё видели своими глазами. А в деревне Маоси каждый знает, каким обтянутым кожей скелетом я пришел к Вэйям. И не забудьте: матушка сама, при свидетелях и старосте, отреклась от меня. Сейчас я

ей никто, а вы и подавно.

Он сделал паузу, глядя на их опешившие лица: — Хотите, чтобы я о вас заботился? Какая нелепость! Я едва свожу концы с концами, а эти два му земли — милость государя. У вас, Циней, добрый десяток му, а вы заритесь на мой крохотный надел? Идите, жалуйтесь хоть самому уездному судье. Посмотрим, станет ли он судить девятилетнего ребенка за то, что тот не кормит взрослых мужиков.

Вэй Чэн перевел взгляд на Цинь-ши. Она стояла бледная, осунувшаяся, и в ней уже нельзя было узнать ту дородную, довольную жизнью женщину, какой она была прежде. — Госпожа Цинь, я ведь правду говорю?

Женщина промолчала, пряча измученный взгляд. Даюн хотел было снова вскинуться, но Цинь Эрюн вовремя придержал его за руку. — Ну что ты, малец, — примирительно заговорил тот. — Столько времени прошло, а ты всё старые обиды помнишь. Ладно, оставим прошлое. Подумай о настоящем. Разве мать может по-настоящему отречься от сына? Она просто сгоряча наговорила лишнего, обиделась на тебя. Как ни крути, она тебя под сердцем носила, кровь-то не водица! У матушки твоей сейчас черная полоса, неужто сын бросит её в беде? Мы слышали, ты парень толковый, в самую школу Хуэйлинь попал, с богачами Ли из города знаешься. Коли замолвишь словечко перед ними, попросишь сотню лянов в долг — и мать, и младший братец твой спасены будут.

— Брошу в беде? — Вэй Чэн рассмеялся, и в этом смехе не было ни капли веселья. — Она пришла сюда вымогать деньги вместе с вами, разве это похоже на смертный одр? Кого вы спасать собрались: её нынешнего мужа-игрока или собственную бездонную жадность?

Он жестко оборвал их попытки заговорить: — Не надо мне сказок про материнскую любовь. Вы вспомнили обо мне только тогда, когда пришла нужда. Где была эта любовь, когда она жила в достатке, а я замерзал от холода и голодал, пока Вэйи забивали меня до полусмерти? Не пугайте меня школой — совесть моя чиста, а правду я не побоюсь рассказать при всем народе!

На его губах заиграла ироничная улыбка: — И не смейте прикрываться моим именем перед семьей Ли. Мы с ними едва знакомы. А если вздумаете им докучать — идите. У них за спиной сам уездный судья, они вас мигом за решетку упекут за вымогательство. Сейчас разгар дня, добрые люди в поле трудятся, а вы здесь сны наяву видите. До чего же жалко вы смотрите!

Братья Цинь побагровели от стыда и злости. Они прознали, что Вэй Чэн учится в престижной школе и водит знакомство с богатыми горожанами, и тут же подговорили доведенную до отчаяния Цинь-ши. Они понимали, что землю им не видать, но надеялись запугать мальчишку или разжалобить его, чтобы тот выпросил денег у покровителей. Если бы выгорело, большую часть они забрали бы себе, а сестре оставили крохи...

— Совсем от рук отбился! — Цинь Даюн толкнул сестру в плечо. — Гляди, кого вырастила! Оперился, на старших голос повышает!

Вэй Чэн взглянул на женщину, которая когда-то была его матерью: — Госпожа Цинь, я думал, история с замком долголетия поубавила вашей прыти. Неужто вы снова ищите неприятностей? Теперь, когда Богач Сун всё проиграл и разорился, вы боитесь потерять и своего второго сына... — Вэй Чэн и сам не заметил, как начал использовать суеверия Горшочка, чтобы припугнуть её.

Лицо Госпожи Цинь мгновенно стало пепельным: — Вэй Чэн! Ты... ты опять проклинаешь моего ребенка!

— Всякое в жизни бывает, — сухо ответил он. — Могли ли вы подумать, что Богач Сун за пару месяцев пустит всё по миру? Если наступит день, когда вы останетесь на улице без гроша и придете ко мне... я, может, и не прогоню вас.

Она посмотрела на него с надеждой, но юноша ледяным тоном закончил: — Но знайте: как вы когда-то обошлись со мной, так и я обойдусь с вами.

От его холодного взгляда женщину пробрала дрожь. Богач Сун не верил в предсказания бродячего даоса, но Цинь-ши помнила: в ту самую ночь, когда они вернули Вэй Чэну серебряный замок, болезнь её младшего сына отступила без следа.

Она и в этот раз шла к Вэй Чэну с опаской, но братья убедили её, что можно вытрясти из него целое состояние.

Все деньги Сунов ушли на покрытие долгов мужа. У неё ведь были средства — и земля Вэй Даньена, и все его сбережения достались ей. Когда Даньен лежал при смерти, она пожалела денег на дорогие лекарства, а Вэйи только рады были — они даже подменили его снадобья, чтобы поскорее добраться до документов на землю. Но Цинь-ши оказалась хитрее: еще до того, как муж испустил дух, она припрятала и деньги, и бумаги. А чтобы родня мужа не отобрала наворованное, она забрала обузу-сына и уехала к своим.

Половину денег она отдала братьям Цинь, половину оставила себе. Но теперь почти всё ушло на выплату долгов, потому что ростовщики грозились продать её и сына в бордель. Пытаясь спасти свое будущее, она лечила Богача Суна, надеялась, что он выкарабкается, но после того, как в игорном доме ему отрубили руку, он совсем зачах. Деньги утекали рекой, а толку не было!

Богач Сун оказался не чета Вэй Даньену — после него остались не богатства, а одни проклятия. Цинь-ши нужно было на что-то жить, и когда она вернулась в отчий дом просить помощи, братья с невестками надумали её пойти к Вэй Чэну. Она знала, как они жадны, но обида жгла ей сердце: почему её любимый младший сын в беде, а этот Вэй Чэн вдруг вытянул счастливый билет, попал в школу да еще и к важным людям втерся в доверие?

Однако угрозы Вэй Чэна заставили её опомниться. Стоило ей вспомнить, как корчился в муках её младшенький, как её охватил ужас. Если с ним что-то случится, её жизни конец. А если в старости она и впрямь попадет в руки к Вэй Чэну — пощады ждать не придется. Лучше уж

растить своего ребенка... Кто знает, какую темную силу пригрел Вэй Чэн? Вон, волк у его ног, и всё ему как с гуся вода, но придет день — и это зло обернется против него самого!

— Не нужна мне твоя забота! — выкрикнула она, пытаясь сохранить лицо. — Мой сын вырастет куда достойнее тебя! Думаешь, выучил пару иероглифов и всё можешь? Твои Вэйи — звери в людском обличье, родного брата сгубили, и ты такой же — ни матери, ни брата не жалеешь! Далеко ты так не уедешь!

Вэй Чэн резко подался вперед, пропустив мимо ушей оскорбления: — Что ты сказала? Что значит — Вэйи погубили моего отца?!

Цинь-ши злорадно усмехнулась: — Твой отец, когда его привезли, еще дышал. Коли б его лечили, он бы еще месяц-другой протянул. Но Вэйи сговорились и подменили лекарства. Снадобье покупал Вэй Саньянь, а Старуха Вэй с Вэй Линьлан сами его варили. Поил твоего отца Вэй Эрнянь. К ночи раны воспалились, открылось кровотечение, и он умер в страшных муках. Они потому и затеяли раздел имущества, потому и нас с тобой выставили, чтобы поскорее разделаться с ним и забрать землю. Только зря они старались — все бумаги я еще раньше припрятала, так что остались они ни с чем!

Вэй Чэн побледнел, глаза его налились кровью, он прошипел сквозь зубы: — Ты... Ты всё это знала и не остановила их? Почему не пошла к судье?!

Она на миг замешкалась и отвернулась: — Всё равно бы он помер, не сегодня, так завтра. Вэйи тогда меня со свету сжить хотели, куда мне было жаловаться!

Она не сказала главного: зачем ей был нужен калека-муж, на которого пришлось бы тратить остаток жизни?

— Это Вэйи совершили злодейство! — крикнула женщина, уже разворачиваясь, чтобы уйти. — Твой зверь должен не меня пугать, а их!

Она только и мечтала, как бы поскорее убраться подальше от этого места.

Но Цинь Даюн и Цинь Эрюн не желали уходить с пустыми руками. Они схватили сестру за плечи: — Куда ты собралась? У тебя ни кола ни двора, коли не прижмешь этого щенка, как жить будешь?

— Прижать его?! — Цинь-ши всё еще трясло. — Стоило мне оставить замок, как мой сын чуть дух не испустил! Я к нему и на шаг не подойду! Коли свяжусь с ним — сама следующей в могилу лягу!

— Да что за вздор ты несешь! — возмущился Цинь Даюн. — Вон, малец твой бегаёт, живее всех живых!

— Чужую беду руками разведу, а к своей ума не приложу, — огрызнулась Цинь-ши. — Мне теперь только на сына надежда. Коли с ним что случится, кто меня в старости кормить будет? Твои дети, что ли, станут о тетке заботиться?

Цинь Даюн осекся, и тут подал голос Цинь Эрюн: — А Богача Суна ты на что лечить будешь? В нашем доме лишних денег на его пилюли нет!

Женщина в сердцах плюнула на землю: — Да пусть он хоть трижды сдохнет! Если б не его долги, мы б с сыном так не бедствовали! Пусть помирает скорее, авось родня Сунов нам какой угол выделит!

Видя, что сестра уходит, Цинь Эрюн бросился за ней. Даюн же, не желая сдаваться, оглядел хижину и, заметив порванный рукав, решил пойти напролом: — Слышь, парень! Твой зверь мне новую одежду испортил. Будешь платить, или я отсюда никуда не уйду!

Он направился к загону с курами: — Денег нет — так я пару кур заберу, здоровье поправить.

Едва он протянул руку, чтобы схватить птицу, как в глазах у него потемнело, а ухо пронзила невыносимая боль.

Вэй Чэн, в душе которого всё еще бушевал пожар после слов о смерти отца, негромко произнес: — Синьэр, только не загрызи его.

Цинь Даюн катался по земле от боли, а «черный пес» мертвой хваткой вцепился ему в ухо. Мужчина отчаянно барахтался, но не мог скинуть зверя!

— Чэн... Чэн-эр! Вели этой твари... псу этому... отпустить! — взмолился он.

Вэй Чэн холодно смотрел на него: — Ты что-то говорил про одежду?

— Не надо... ничего не надо! Пусть отпустит! — Мужчина зажимал ухо, сквозь его пальцы сочилась кровь — Синьэр вцепился глубоко.

Юноша понимал, что лишние проблемы с властями ему не нужны, и приказал: — Коли еще раз здесь покажетесь — в следующий раз он не за ухо схватит. И знай: это не домашняя собака. Это самый настоящий волк!

— Волк?.. Волк?! — Даюн встретился взглядом с налитыми кровью глазами хищника, и воля его окончательно сломилась. — Не приду... никогда больше не приду! Вели ему отпустить!

Человек может не бояться собаки, но перед волком любой затрепещет.

Вдруг из хижины донесся звонкий, сонный голосок: — Братик! Братик! Синъэр!

Вэй Чэн мгновенно преобразился: — Синъэр, ко мне!

Волчонок тут же разжал челюсти и, перемахнув через скорчившегося мужчину, подбежал к хозяину, нетерпеливо скребя лапами дверь — хотел поскорее увидеть Горшочка.

Вэй Чэн достал платок и вытер кровь с морды зверя. Когда он поднял голову, Цинь Даюн, прихрамывая, уже скрылся из виду.

Должно быть, теперь жадные родственники еще долго не осмелятся сюда сунуться. С этого самого дня по деревням Цзянхэ и Маоси поползли слухи, будто Вэй Чэн держит волка для охраны. Целых полмесяца никто не решался подходить к их дому у подножия горы. А как иначе, если Цинь Даюн, зажимая окровавленное ухо, на каждом углу вопил: «Там волк! Вэй Чэн волка вырастил!»

Юноша заставил себя улыбнуться и открыл дверь. Синъэр первым юркнул внутрь.

Горшочек, протирая заспанные глазки, пробормотал: — Братик, там гром гремел? Так шумно было...

— Нет, дождя не будет. Просто люди заходили, — ответил Вэй Чэн, помогая малышу одеться.

Горшочек широко зевнул и радостно спросил: — Тётушка Хуа? Брат Доумяо?

Последние дни они редко виделись: Вэй Чэн был занят в школе, а Доумяо всю помогая отцу — учился мастерству мясника.

Он не стал рассказывать правду и лишь спросил с улыбкой: — Соскучился по ним?

Горшочек послушно кивнул и приложил пухлую ручку к груди: — Ага. Вот тут скучаю.

Сердце Вэй Чэна оттаяло. Он ласково погладил брата по голове: — Скоро Праздник двойной пятёрки, в школе наверняка дадут отдых. Тогда и сходим к Доумяо поиграть.

Он поправил воротничок на рубашке малыша: — Округлился ты, видать, новую одежду надо шить пошире.

Горшочек хихикнул и прижался головой к плечу брата: — Братик, братик, братик...

Малыш уже научился сам чистить зубы. Он так рьяно орудовал щеточкой, что Вэй Чэн то и

дело просил: «Потише, не поранься».

Умывшись, Горшочек чинно уселся за стол, сложив ручки и с ожиданием глядя на брата. Тут юноша вспомнил, что из-за этих Циней совсем забыл про завтрак!

— Сейчас я яиц сварю да кашу разогрею, а ты пока съешь печенье, подожди немного.

Он знал, что Горшочек любит сладкое, поэтому дома всегда были запасы сухофруктов и выпечки.

— Ладно! — Горшочек спрыгнул со стула и побежал к выходу. — Я дров принесу!

Вареные яйца, полежав в холодной воде, чистились легко. В каждой чашке густой каши красовалось по белоснежному яичку, а к ним подали хрустящие огурцы. Синьэр в своей миске получил такой же завтрак.

Следующие несколько дней Учитель Чжугэ ходил мрачнее тучи — видать, болезнь жены совсем извела его. Ученики в классе сидели тише воды, ниже травы.

Этим утром учитель вызвал Вэй Чэна проверять, как тот выучил текст. Убедившись, что парень читает без запинки, Чжугэ-фуцзы принялся объяснять тонкости смысла, связывая слова в предложения и приводя примеры из классики. Вэй Чэн жадно впитывал каждое слово. Постепенно класс наполнился, вернулись даже те молодые господа, которых учитель на время выставил вон. Удивительно, но заносчивого Управляющего Чжэня нигде не было видно.

Учитель закрыл книгу и кивнул: — Иероглифы ты освоил, начальные тексты знаешь твердо. Возвращайся к остальным, сегодня будешь упражняться в каллиграфии вместе со старшими братьями.

— Слушаюсь, учитель, — поклонился Вэй Чэн.

Горшочек, услышав про письмо, весь заерзал от нетерпения. Писать он не любил, но сам процесс приготовления чернил его завораживал: капнешь воды, потрешь немного — и получается густая черная краска!

Учитель сначала прочел лекцию о том, как правильно держать кисть, упомянул великих каллиграфов и велел всем копировать прописи. Он процитировал: — Мастер Шангу просил учеников вешать древние свитки на стену и вглядываться в них, пока не постигнешь самую суть... Когда образ запечатлется в сердце, кисть сама пойдет за мыслью, обретая силу древних мастеров.

Это значило, что нужно не просто слепо подражать буквам, но искать в них свой собственный стиль.

Сунь-шисюн с товарищами взялись за серьезные сочинения, возвратившиеся юноши корпели над стихами, а Вэй Чэн, как новичок, под руководством учителя принялся осваивать стиль Гун Лю. Чжугэ-фуцзы пояснил: — Я выбрал для тебя почерк Лю, ибо он строг и исполнен внутренней силы. Твой нрав — прямой, честный и основательный — как нельзя лучше подходит для этой манеры.

— Благодарю за наставление, учитель. Я приложу все силы, — ответил Вэй Чэн.

Учитель поправил их позы, показал, как большой палец должен давить на кисть, а указательный — направлять её. Спустя полчаса он прошелся по классу, проверяя работу.

Иероглифы Вэй Чэна были еще неровными, но чистыми и аккуратными — в них уже чувствовался будущий характер. Определенно, у парня был талант к наукам. Затем учитель заглянул в тетрадь к малышу... и увидел там одно черное пятно, другое, целую россыпь клякс...

Он уже открыл рот, чтобы отчитать сорванца, но Горшочек обернулся к нему — весь нос и щеки в туши, в ручонке кисть из козьей шерсти, а в глазах — искренний восторг: — Учитель, Горшочек нарисовал много цветочков!

Он ткнул пальцем в самую большую кляксу: — Это — цветок для братика. — Потом показал на пятна поменьше и сощурился: — А это для вас. У вас в последнее время брови вот так делаются...

Малыш забавно сморщил лобик, подражая наставнику. — Горшочек дарит цветы вам и вашей жене, чтобы вы больше не грустили.

Гнев Чжугэ-фуцзы мгновенно испарился. Он взял кисть из рук ребенка и парой точных движений превратил кляксу в изящный лотос.

Глаза Горшочка округлились: — Ой, как красиво! Учитель, научите Горшочка рисовать цветы!

Учитель откашлялся, и в его голосе прозвучало скорее смирение, чем строгость. Глядя на Вэй Чэна, он проговорил: — Видать, твой брат готов учиться чему угодно, лишь бы не книжной премудрости.

Вэй Чэн поспешил вытереть лицо малыша платком: — Простите за беспокойство, учитель.

Чжугэ-фуцзы покачал головой и сказал Горшочку: — Сумеешь написать свое имя — тогда и научу тебя цветы рисовать.

Горшочек замотал головой: — Нет, не выйдет! Горшочек еще имя не сменил!

По классу прокатился смешок. Учитель легонько щелкнул его по лбу: — Озорник.

Он еще немного позанимался с Вэй Чэном, и когда парень стал писать заметно увереннее, учитель остался доволен. Уже собираясь уходить, он заметил умоляющий взгляд малыша, помедлил и всё же остановился рядом, в самом деле показывая, как выводить лепестки лотоса.

Чжоу Фэн толкнул локтем сидящего впереди Ли Синцяня: — Говорят, этих двоих твоя бабка привела. Что за фокусы они знают, раз наш ледяной учитель к ним так благоволит? Неужто Старая госпожа Ли ему золотом заплатила? Да нет, не похоже... С чего бы он тогда на тебя орал да еще и линейкой перетянул? Может, ты... — Он вдруг замер, осененный догадкой: — Может, ты и не Ли вовсе, а они — настоящие?

Ли Синцянь мельком глянул на братьев и с силой грохнул тушечницей об стол. — Заткнись! — прошипел он.

В этот момент учитель подошел к нему, мельком глянул на прописи и задал пару вопросов по стихам. Юноша отвечал сбивчиво, но верно, и наставник не стал его мучить. Однако, повернувшись к Чжоу Фэну и увидев пустой лист, он взорвался: — Чжоу Фэн! Чем ты занят?! Занятие к концу, а у тебя ни строчки не написано!

Чжоу Фэн вскочил, пытаясь оправдаться: — Я... я просто еще не подготовился...

— Не подготовился?! — голос учителя стал ледяным. — Кисть, тушь, бумага — всё перед тобой! Чего еще тебе не хватает?

— Но учитель... — Ученик обиженно закусил губу. — Почему вы мне не верите? Вы же учили этого мальчика цветы малевать! А я не бездельничал, просто духом не собрался. За что вы ко мне так суровы?

— Ты сравниваешь себя с пятилетним ребенком? Он еще слова-то не все выговаривает, неужто и ты такой же? Вместо того чтобы за ум братья, ты только и делаешь, что по сторонам глазеешь. Ты уже один раз провалился, весной снова экзамен, а ты и шагу вперед не ступил. Твои товарищи в окружную школу уедут, а ты еще сколько лет здесь штаны протирать будешь? — отрезал Чжугэ-фуцзы. — Коли учиться не хочешь — не ищи отговорок, иди к хозяину лавки и убирайся из школы!

Все взгляды обратились на них, и только братья-деревенщины продолжали корпеть над бумагой. Чжоу Фэн густо покраснел и пролепетал: — Простите, учитель. Я виноват.

Но наставник уже не слушал его, перейдя к другим ученикам.

После уроков школьники, попрощавшись с наставником, гурьбой высыпали на улицу.

Вэй Чэн вел Горшочка к старому ученику Чэню, когда в узком переулке им преградили дорогу несколько человек. Лица были незнакомые — должно быть, те самые молодые господа, что недавно вернулись после наказания.

Чжоу Фэн окинул братьев пренерительным взглядом: — Не бойся, парень. Мы просто хотим знать: чем вы так подкупили нашего сухаря-учителя? Сколько серебра ему отвалили, что он над вами так дрожит?

— Прошу вас, не порочьте доброе имя учителя, — спокойно ответил Вэй Чэн. — Наставник наш честен и бескорыстен, ко всем строг и справедлив. Никаких поблажек он нам не делает.

Чжоу Фэн презрительно фыркнул: — Так я тебе и поверил.

— А почему бы и нет?

Позади них раздался голос Сунь-шисюн.

При виде него компания мгновенно сдулась — Сунь Ланя здесь боялись и уважали. Они вмиг растеряли всю спесь и послушно закивали: — Брат Сунь.

Сунь Лань подошел ближе: — Вэй Чэн начал учиться поздно, но он прилежен и скромнен. Неудивительно, что учителю он милее таких лоботрясов, как вы. Да и мне, честно сказать, тоже. — Он взглянул на синеглазого юношу в толпе: — Синцянь, а ты чего там застрял? Иди сюда.

Ли Синцянь нехотя подошел к нему. — Дядюшка, — тихо позвал он.

Сунь Лань строго оглядел остальных: — Время позднее, чего зря лясы точить? А ну, по домам!

Давешние смельчаки, поджав хвосты, поспешили прочь. Вэй Чэн удивленно посмотрел на Сунь Ланя. Неужто этот талантливый ученик и есть сын уездного судьи?

Когда переулок опустел, Сунь Лань обратился к племяннику: — Не водись ты с этими бездельниками. Они только и знают, что развлекаться. Неужто и ты хочешь вырасти таким же пустозвоном?

Ли Синцянь понурил голову: — Виноват, дядюшка.

Сунь Лань был ненамного старше племянника, но держался с достоинством старшего в роду. — Помнишь, что тебе бабка утром наказывала?

Ли Синцянь нехотя покосился на Вэй Чэна: — Велела у него уму-разуму набираться.

Сунь-шисюн одобрительно кивнул: — Вот и правильно. Я за эти дни понял: Вэй Чэн — парень надежный и способный. С таким дружбу водить — честь. А Чжоу Фэн и ему подобные сегодня тебя списывать научат, а завтра в какую дурную историю втравят. Подружишься с Вэй Чэном — и Старая госпожа Ли, и мой отец за тебя спокойны будут.

При упоминании отца-судьи юношу передернуло. — Хорошо, дядюшка.

Старший брат Сунь улыбнулся Вэй Чэну: — Брат Вэй, если Синцянь тебе не по душе — не неволь себя, дружба — дело добровольное.

Вэй Чэн оглядел Ли Синцяня. Тот стоял красный как рак, во взгляде — и стыд, и досада.

«Вроде не злой парень, — подумал Вэй Чэн, — да и Старую госпожу Ли обижать не хочется»

— Брат Ли, коли будет время, можем вместе заниматься. Только я в науках новичок, боюсь, буду тебя только назад тянуть.

Синцянь неловко кашлянул: — Да ладно... ничего...

Сунь Лань рассмеялся: — Брат Вэй, этот лентяй читать не любит. Он хоть и старше тебя на два года, а в начальных книгах смыслит едва ли больше твоего. Так что еще неизвестно, кто кого тянуть будет.

Ли Синцянь совсем засмутился. Он слышал, как дядюшка нахваливал Вэй Чэна перед бабушкой за феноменальную память, да и сегодня наставник не скупился на похвалы. Юноша ткнул пальцем в Горшочка: — А... а с ним-то я точно справлюсь! С ним и буду учиться!

Горшочек смешно сморщил носик: — Но Горшочку всего шесть лет!

Ли Синцянь упрямо выпятил подбородок: — Шесть лет — самое время для букваря!

— Но Горшочку сейчас надо идти бусинки считать!

Малыш достал свои заветные счёты, ловко щелкнул костяшками и выставил их перед Ли Синцянем, точь-в-точь подражая голосу старого учителя: — Сколько здесь будет?

Синцянь оторопел: — Ты... такой кроха, а уже на счётах умеешь?

Горшочек важно ответил: — Это весело! Хочешь, научу?

Сунь Лань, знавший азы счета, присел и передвинул пару костяшек, желая проверить мальчика. Тот только фыркнул: — Слишком просто!

Его пухлые пальчики залетали по инструменту, а губы зашептали считалочку: — Один — вверх, пять вниз — четыре вон... это метод девять вверх.

— ...а это метод девять назад.

— Один — один, без возврата... это песня девяти возвращений.

Сунь Лань и Ли Синцянь только рты раскрыли. Как так? Этот малец даже имя свое написать ленится, а в счётах разбирается получше взрослых!

Горшочек помахал ручкой перед лицом онемевшего ученика: — Старший братик, не бойся! Мы вместе будем учиться, Горшочек тебя не бросит!

Ли Синцянь сглотнул: — Это... это я боюсь за тобой не поспеть.

«Что за семейка такая? — подумал он. — Один другого краше...»

Сунь Лань тоже был поражен: — Брат Вэй, ну и братишка у тебя — чудо!

— Он и впрямь очень смышлен, — улыбнулся Вэй Чэн, убирая счёты в короб. — Брат Сунь, время позднее, учитель счёта заждался. Мы, пожалуй, пойдём.

— Конечно, конечно, ступайте!

Когда братья ушли, Ли Синцянь вздохнул: — Теперь я понимаю, почему бабушка так хотела, чтобы я с ними дружил.

Сунь Лань покачал головой: — Не только в уме дело. Они из простых людей, души у них чистые. С такими поведешься — сам к свету потянешься, дурному не научишься.

Синцянь помолчал и смущенно проговорил: — Но... я ведь ни в книгах за старшим не поспею, ни в счёте за малым. Вэй Чэн — парень гордый, на деньги не зарится, зачем ему со мной водиться?

— Время покажет, — подбодрил его Сунь Лань. — Настоящие друзья не за один день находятся. Поживем — увидим.

В полдень, закончив занятия у старого ученика Чэня, Вэй Чэн с Горшочком отправились на стоянку повозок. На улице заметно потеплело, огород и дыплята требовали присмотра, так что, перекусив лапшой, братья решили не задерживаться в городе.

Юноша еще издали заметил Ли Далана на воловьей повозке, рядом с ним сидели Ли Саньлан и Братец Цю.

Саньлан замахал им рукой: — Вэй Чэн! Горшочек!

Малыш вприпрыжку подбежал к ним: — Брат Далан! Брат Саньлан! Братец Цю!

Братец Цю подхватил Горшочка на руки и достал из рукава узелок с лакомствами: — Устал сегодня? Не проголодался?

Малыш, уминая цукаты, замахал ручонками: — Нет! Учитель сказал, что Горшочек молодец, и купил нам с братиком сладкое питье!

— Ого, какой ты важный! — рассмеялся Цю.

Ли Саньлан взял у Вэй Чэна короб и хмыкнул: — Тяжеленный какой.

Он продолжил: — Сегодня из деревни Братца Цю весть пришла — там ослика продают. Нам всё равно к ним за поросятами ехать, вот и решили: вы как раз с уроков освободитесь, заберем вас и сразу туда.

— Вот оно что, — кивнул Вэй Чэн. — Тогда поспешим, пока солнце не слишком печет.

Спустя полчаса они въехали во двор крепкого хозяйства. Посреди двора стояли два ослика с большими ушами, а вокруг толпился народ — кто просто поглазеть, кто прицениться. Хозяин, крепкий старик, уже вовсю торговался с покупателями.

Ли Далан отвел Вэй Чэна в сторону и шепнул: — Я их зубы уже глянул. У черного хоть и стерты прилично, зато глаза горят, ноги крепкие. Серый помоложе будет, вроде и дольше прослужить должен, да только грудь у него узкая, хилый он. Сейчас-то тебе много возить не надо, но коли земли прибавится — не сдюжит он долго.

Вэй Чэн в скотине не разбирался, но Ли Далану верил беспрекословно. — Как скажете, Брат Далан, так и сделаем.

Тот одобрительно кивнул: — За черного, думаю, ляна три запросят.

Тут юноша спохватился: — Ох, Брат Далан, я же не знал, что мы сегодня покупать поедем, денег с собой не взял.

— Не горюй, батя обо всём подумал, деньги у меня с собой. Далан похлопал по кошельку на поясе. — Раз черный тебе по душе, пойду торговаться.

— Спасибо вам, Брат Далан.

— Пустое, свои люди.

Вэй Чэн вернулся к Братцу Цю, который держал Горшочка на руках. Малыш уже вовсю гладил длинные ослиные уши.

— Братик! — Горшочек подбежал к Вэй Чэну. — Ослики такие смирные!

Брат присел и шепнул ему: — А тебе какой больше нравится?

Малыш оглядел обоих и уверенно ткнул пальцем: — Вот этот, черненький!

Теперь Вэй Чэн был спокоен. Три ляна — сумма немалая, не хотелось бы купить за такие деньги немошное животное. Вскоре пришел черед Ли Далана. Оказалось, они с хозяином знакомы, так что перед торгами успели перекинуться парой слов о житье-бытье.

Спустя время один из деревенских отсчитал монеты и с довольным видом увел серого ослика. Толпа разочарованно загудела. А старик-хозяин объявил: — Ну а черный достанется Ли Далану.

Кто-то возмутился: — Эй, Старый Осел! Раз вы со старостой Маоси знакомы, так чего нас-то звал?!

— Верно, только время зря потратили!

Старик только хмыкнул: — Вам черный не по нраву был — мол, стар слишком. Я цену в три ляна держал, вы мне кто два с половиной, кто два и шесть предлагал, а кто и вовсе до двух и одного сбить норовил. Ли Далан дал два и восемь. Мне всё равно, кто он мне, — кто больше платит, тот и забирает!

Толпа притихла, и люди понемногу стали расходиться. Старик посмотрел на братьев, которые вовсю возились с покупкой, и нахмурился: — Это что же, ты для этих пацанов осла брал?

Он цену-то не задирает только из уважения к Ли Маодэ. Далан, почуяв неладное, поспешил пояснить: — Бате эти сиротки больно приглянулись, вот он и велел мне помочь им со скотиной.

Старик что-то проворчал себе под нос и отвернулся. Вэй Чэн подошел к нему: — Дедушка, вы на Брата Далана не сердчайте. Нам с братом этот ослик очень по сердцу пришелся. Коли считаете, что дешево отдали — мы добавим. Нам ведь не просто рабочая скотина нужна, мы понимаем, что вы его с малых лет растили. Вам ведь тоже хочется, чтобы он в добрые руки попал? Нас в доме только двое, земли — всего два му. Ослик нам нужен, чтобы в школу в город ездить да овощи с огорода возить. Мы его неволить не станем, как иные хозяева, что скотину в поле до смерти загоняют.

Слова парня, видать, задела старика за живое. Тот молча кивнул и вздохнул: — Забирайте... забирайте.

Ли Саньлан и Братец Цю забрали поросят, и вся компания на повозке, ведя ослика на поводу, отправилась в Маоси. По дороге Далан рассказывал: — Старик этот хоть и упрям как сто чертей, а человек неплохой. Бате моему он обязан, вот и уступил две сотни вэнь. Но кабы не твои слова, Чэн-эр, он бы, пожалуй, и передумать мог!

Он добавил: — Ослика пока у себя подержите, пусть привыкнет. Потом Саньлан научит тебя, как запрягать да править. Не спеши сам, чтобы себя или мальчика не покалечить.

— Спасибо, Брат Далан, я всё запомнил, — ответил Вэй Чэн.

Когда они въехали в деревню, народ высыпал поглазеть. Шептались за спинами: откуда у сирот деньги, неужто староста в долг дал? Юноша, крепко держа Горшочка за руку и ведя осла, не обращал на сплетниц внимания.

Привязав животное к дереву за домом, он первым делом отсчитал Ли Далану три лян — два и восемь за покупку, а остальное — деревенскому плотнику за тележку. Расквитавшись с долгами, братья пошли в гору. Горшочек с Синьэром собирали траву для кур, а Вэй Чэн накопил сочной люцерны для ослика. Скотина ела много, но, к счастью, осел не привередничал — ел и солому, и отруби, которые в деревне стоили копейки.

Вечером, накормив живность, юноша полил огород. Свои два му в поле он тоже не забрасывал — вставал ни свет ни заря, чтобы прополоть сорняки. Даже матушка Доумяо удивлялась, как ловко парень со всем справляется.

Когда стемнело и из хижины донеслось мирное сопение Горшочка, Вэй Чэн сел при свете лампы за прописи.

С тех пор как приходили Цини и Госпожа Цинь рассказала правду о смерти отца, в душе юноши поселилась жажда мести. Поначалу он не хотел верить, но чем больше думал, тем больше странностей находил. Отец его был опытным охотником, как он мог так нелепо погибнуть? И ведь в тот день в лесу с ним были Вэй Эрнянь и Вэй Саньянь... не приложили ли они руку? А Старуха Вэй как раз тогда затеяла ссору, чтобы выставить их из дома... Всё сходилось.

Прошло много лет, улики не осталось. Но Вэй Чэн понимал: он не будет достоин звания сына, если позволит убийцам жить в покое. Должен быть способ вывести их на чистую воду. Он отогнал лишние мысли и сосредоточился на письме. Пламя лампы дрожало, освещая на грубой бумаге четкие, сильные иероглифы — в них уже угадывался редкий, благородный стиль.

<http://bllate.org/book/15346/1412573>